

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922

Оригинальное исследование

О загадочных «антропонимах» и языке, на котором был записан русско-византийский договор 944 г.

Виноградов А.Е. ,
Россия, 119313, Москва
E-mail: alwvvnor@mail.ru

Аннотация. Распространено мнение, что текст русско-византийского договора 944 г., включенный в древнерусскую летопись, сделан на основе довольно поздней греческой копии. Эта точка зрения противоречит правилам средневековой дипломатии, согласно которым работа над международными договорами была двусторонней, а их тексты были двуязычными. В данном случае весь вопрос во втором языке, который мог быть использован при составлении документа: исходя из реалий середины X в., этот «древнерусский» язык не мог быть славянским. Анализ основного текста договора показывает, что некоторые его предполагаемые грецизмы могут оказаться латинизмами. Исследование вводной части документа позволяет сделать вывод о том, что некоторые лексемы, принимаемые за личные имена, представляют собой латинские выражения или соционимы, имевшие параллели в Западной Европе. Можно предполагать, что в договоре был отражен официальный язык Древней Руси, впоследствии вытесненный славянским.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, договор, антропонимы, соционимы, латинский язык

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2024. О загадочных «антропонимах» и языке, на котором был записан русско-византийский договор 944 г. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 913–922. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

About the Mysterious "Anthroponyms" and the Language in Which the Russian-Byzantine Treaty of 944 Was Written

Aleksey E. Vinogradov ,
Moscow 119313, Russia
E-mail: alwvvnor@mail.ru

Abstract. There is a widespread opinion among researchers that the text of the Rus-Byzantine treaty of 944, included in the chronicle, was made on the basis of a rather late Greek copy. However, it requires a critical analysis. It is quite possible that Byzantine representatives did play a major role in concretizing the legal component of the document, but this does not mean that the written language of its later copy reflected exclusively Greek vocabulary. Some supposed Greekisms of the main text of the document may turn out to be Latinisms. A study of the introductory part of the treaty allows us to conclude that some lexemes taken for personal names are Latin expressions or socionyms that had parallels in Western Europe.

© Виноградов А.Е., 2024

This part does not reflect Greek influence, and, apparently, was compiled only by the scribes of the Rus delegation. It can be assumed that the introductory part of the treaty, written on a separate sheet, reflected the official language of Ancient Rus, subsequently supplanted by Slavic.

Keywords: Old Rus', Byzantium, agreement, anthroponyms, socionyms, Latin language

For citation: Vinogradov A.E. 2024. About the Mysterious "Anthroponyms" and the Language in Which the Russian-Byzantine Treaty of 944 Was Written. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 913–922 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-913-922.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Договор 944 г. (в некоторых реконструкциях – 945 г.), заключенный представителями князя Игоря и русской элиты с одной стороны и византийским императором Романом и его сыновьями-соправителями – с другой, как наиболее обстоятельный из документов о русско-византийских отношениях X в. давно привлекает внимание специалистов. Объектом исследования выступают здесь и корпус имен представителей «отъ рода Рускаго съли и гостье», и сама лексика договора, содержащая немало темных и неоднозначно трактуемых мест.

В частности, исследование терминологии договора 944 г. подводило к мысли, что в основе воспроизведенного в ПВЛ текста лежал документ, подготовленный самими византийцами [Лавровский, 1853; Sorlin, 1961]. В полной мере эта концепция была сформулирована Я. Малингуди, согласно которой текст изначально составлялся византийцами на греческом языке, как и доставшаяся русским копия (по крайней мере, к предположению Ф.И. Круга о существовании написанного по-русски экземпляра автор отнеслась скептически) [Малингуди 1997, с. 71]. К моменту составления ПВЛ копия уже не сохранилась, и для ее восстановления русским пришлось обращаться в императорский архив в Константинополе, где якобы находилась копия книга с соответствующим документом. Он-то и был переведен и в таком виде вошел в состав древнерусской летописи.

В той или иной степени эта идея была принята многими исследователями [Стефанович, 2013, с. 22; Киржаева, 2015, с. 415–416; Свердлов, 2017, с. 39; Melnikova, 2004, p. 5].

Объект и методы исследования

Такая поддержка, на наш взгляд, выглядит несколько странной. Малингуди скорее отходит от использования традиционного для серьезной работы принципа объективности, сосредотачиваясь лишь на одной, с учетом еще и «перемещения» церкви св. Ильи из Киева в Константинополь, «грекоцентричной» версии событий.

Ее работа состоит из текстуальных реконструкций, предположений, расходящихся со смыслом анализируемого документа (так, русские участники соглашения столь сильно клялись хранить подписываемую «харатью» и быть верными ее содержанию, что последующая ее утрата выглядела бы нарушением договора). Как признает сама Малингуди, основой для исследования послужили тексты соглашений Византией с итальянскими городами-государствами, и фактически, как бы ни пыталась опровергнуть это сама исследовательница, в тех случаях схема получалась иной. Итальянские представители активно участвовали в подготовке договоров, постоянно курсируя между Апеннинскими и Константинополем, итоговые документы имели актуальные латинские варианты [Малингуди, 1995, с.74–75, 81, 83]. Представить, что эти документы будут утрачены и спустя столетие итальянцы поедут переписывать их копии в константинопольский архив, сложно, как сложно предполагать, что и тексты договоров с наследниками латинской традиции целиком основывались на греческой терминологии и практике.

В свое время А.К. Димитриу считал «типическим» для всех договоров между Византией и другими государствами, включая Русь, порядок, когда представители этих государств активно участвуют в составлении черновиков и итогового соглашения на собственном языке. Византийцам было важно, чтобы другая сторона точно понимала смысл документа, что было невозможно в случае его составления только на греческом [Димитриу, с. 537, 544].

Как указывал Ф.И. Успенский, считать, что отношения греков с Русью как «государством, правильно организованным» выходили за рамки обычной дипломатической практики, едва ли возможно [Успенский, с. 273]. С другой стороны, С.П. Обнорский отмечал, что сама подоснова греческого оригинала договора «сложна и проблематична» [Обнорский, с. 101].

Нельзя не обратить внимание на призыв производить поиск параллелей к исследуемому документу «не только в византийской, но и в невизантийской культурно-правовой среде» [Бибииков, с. 15]. Еще Н.А. Лавровский считал, что утверждение о сугубо византийской конструкции договоров не совсем верно хотя бы потому, что сами греки заимствовали многие свои юридические постулаты из римского права, фактически многие тексты греческих актов имеют смешанное, полуполатинское происхождение, и договора русских с Византией «написаны таким языком» [Лавровский, с. 20–22]. Иными словами, формальных оснований искать в латинских документах исходный материал для включения в договорную историю ПВЛ не меньше. Но эта версия в рамках «грекоцентричной» версии не разрабатывается.

Вопросы вызывает и утверждение Малингуди о качестве попавшего в ПВЛ перевода с якобы греческого оригинала, который «выполнен столь неуклюже, что это не только затрудняет чтение документа, но даже делает его подчас совершенно непонятным» [Малингуди 1996, с. 61]. Между тем та же древнерусская летопись пестрит переводами из греческих хроник, религиозных и географических сочинений, сделанных (если исходить из хронологии греческой исследовательницы) ненамного позже переводов с договора. При этом претензий к качеству отражения этих текстов значительно меньше, и эта разница вновь заставляет обратить внимание как на время перевода договора, так и на сам его язык.

Поддержавший построения Малингуди К.А. Максимович утверждал, что делать русско-славянскую редакцию текста договора в момент его заключения не было смысла, т. к. в X в. «церковнославянская грамота была известна на Руси едва ли лучше, чем греческая», да и ссылок на какой-либо перевод в тексте ПВЛ нет [Максимович 2023, с. 9–10]. Однако такая точка зрения исходит из тождества «русского» языка середины X в. и славянского (церковно- или восточнославянского). Между тем из источников того времени, прежде всего трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio*, где четко различались «росские» и славянские названия днепровских порогов, известно совершенно другое. Даже такой известный сторонник «славянской» (хотя и с кельтским акцентом) ранней Руси, как А.Г. Кузьмин, признавал, что во времена Константина «русский язык» не совпадал со славянским [Кузьмин 1988, с. 137]. Признавал это, с поправкой на начало некоторой славянской ассимиляции Руси к середине X в., и К.А. Максимович [Максимович, 2006].

В этой связи представляется необходимым выстроить более аргументированную версию заимствования в ПВЛ текста договора 944 г. и реконструкцию его первоначального языка. Немаловажным кажется пример Н.А. Лавровского, что слова в договорах с Русью, фактически означающие «список», «копия» (по Малингуди «равен» договора означает «копия») соответствует в том числе лат. *pag*, *paricla* [Лавровский, с. 45].

Многие, во всяком случае, лексические параллели славянским словам и оборотам исследуемого текста обнаруживаются и в латинских или написанных на ранних дериватах этого языка документах. Если, по утверждению Малингуди, в обороте «любовь межю Греки и Русью» ключевым является греческое *αγάπη*, то есть технический термин, означающий «дружбу» или «договор о дружбе» [Малингуди 1995, с. 85], то в латинских (или новых дериватов латыни) дипломатических документах его аналогом является *amicitia* – «дружба», хотя нередки и термины *amor* и *dilectio(nis)* как раз в значении «любовь» [Chaplais P. *English Medieval Diplomatic Practice. Part I, v. I. p. 2, 12. 19, 20; Sitges J.B. Enrique IV p. 50, 77, 270,*

412]. Слово «съвещание», как признает сама греческая исследовательница, соответствует и латинскому *conventio* [Малингуди, 1997, с. 82].

Предположение о появлении титулов «великий» и «светлый» князь как результат калькирования с реального или предполагаемого греческого оригинала [Стефанович, с. 25], [Малингуди 1997, с. 87] не является безальтернативным на фоне *magnus dux Portugaliaensis*, не говоря уже об *Illustri, Clarissi* и прочей титулатуре, с римских времен перекочевавшей в западноевропейские табели о рангах.

Корни фразы «и не владимъ ... никакому же соблазну или винѣ», которая «на старославянском с трудом поддается пониманию», поскольку она якобы шершаво переведена с греческого [Малингуди 1997, с. 66] могут отыскаться и у Плиния Младшего («*non cogumpi... etiam a malis*») [Plinii Caecilii Secundi Epistolae, p. 121]. А «*вбновити ветъхий мирь... и оутвердити любовь*» складывается из латинского глагола *renovare* (например, *testamentum renovare* в дипломатических документах времен Каролингов [Monumenta Germaniae Historicum. Diplomatum Karolinorum. Hannoverae, Hahn, 1906. Т. I p. 467]) и пассажа, который со времен Юлия Цезаря отражался как *pacem et amicitiam confirmare* [C. Julii Caesaris Commentarii. p. 4].

В этой связи встает вопрос: могут ли приведенные аналогии рассматриваться в контексте лишь римско-греческого культурного и языкового обмена или они могут свидетельствовать о том, что сам язык договора имел латинские корни?

Результаты и их обсуждение

Особое внимание в этой связи привлекает вступительная часть документа с именами его подписавших, которая была записана на отдельной от основной части «харатье» [ПСРЛ т. I, с. 22]. Так, оборот «объчїи сли» («*вбъчїи сли*») давно вызывает споры исследователей. В частности, А.В. Назаренко критиковал перевод «объчїи» как «общие», т. к. он противоречил смыслу подписей в договоре. Однако и свою идею о кальке с *κοινός*, означавшего как «общий», так и «обычный», ученый не сумел убедительно обосновать, сам же отмечая, что греческое слово имело уничижительный оттенок [Назаренко 2014, с. 17]. А при всем высокомерии византийцев по отношению к «варварам» оно вряд ли могло проявиться столь откровенно в международном договоре, который сами же «варвары» и читали, и подписывали.

Следует отметить, что подобные споры в случае с другими местами русско-византийских договоров приводили Ф.И. Круга, а за ним и других исследователей к предположению о том, что неясные в контексте этих документов славянские обороты и слова на самом деле могли обозначать и неправильно понятые переписчиком иноязычные фрагменты (так, вместо обозначения чернил *кївнѣварї* появилось загадочное «Ивановым написанием» [Шахматов, с. 40]). И малопонятный оборот «объчїи сли» в конкретном контексте данного места договора 944 г. (которое следует за пассажем о направлении Игорем «*мужѣ своя*» к Роману и приеме их императором [ПСРЛ 1846 т. I, с. 19] напоминает скорее попытку кириллической транслитерации латинской конструкции *obicitio solio*, буквально «*пришедшие к трону*». Возможно, лишь части конструкции, не понятой, истолкованной по-своему и, как и другие места в договоре, сокращенной переписчиком, отчего неясно разделение «дипломатов» на Ивора, посла собственно Игоря, и остальных, хотя они все равно для Игоря «*мужѣ своя*»).

Ряд косвенных фактов может свидетельствовать в пользу возможности таких истолкований. Сами упорные отсылки договоров и 911, и 944 гг. не только к авторитету князя, но и к сочетаниям «*людье вси Русїи*», «*от всѣхъ людїи Рускія земли*», которые представляют один из главных «политических компонентов» Руси [Назаренко, с. 15], напоминают о традиции эдиктов Рима с апелляциями (пусть во времена поздней империи и формальными) к *Populo Romano* как к высшему источнику власти. Сделанная В.В. Хвойко в Белгородско-Киевском находка печати (отнесенной к X в.) с остатками латинской надписи и кириллицы

вокруг изображения князя [Петров, с. 62–63] подтверждает употребление латыни, по крайней мере в высшей элите древнерусского общества.

Со своей стороны, мы утверждали, что язык начальной Руси, отраженный, в частности, в «росских» названиях днепровских порогов, мог иметь латинские, скорее всего, балкано-латинские корни [Виноградов, 2020]. Представляется любопытным не только сопоставить это предположение с лексикой русско-византийских договоров, но и посмотреть на него в контексте другой важнейшей проблемы данного корпуса источников, антропонимической.

Кажется показательным, что сторонники той или иной версии начала Руси, потратившие немало усилий на попытки доказать соответствующие корни языка, отраженного в тех же названиях порогов, не пытаются подкрепить свои предположения текстами русско-византийских договоров вне их антропонимического содержания.

Максимум, что сейчас могли предположить норманнского в договорах, это лишь следы традиции ритуала со скандинавским сакральным кольцом и лексических аналогов древнескандинавских судебников. Но и они могли попасть в составленный греками текст, лишь будучи записаны и отредактированы византийскими чиновниками [Мельникова, 2014; Мельникова, 2020]. Очевидно, что специалистам кажется слишком мало доказательств тому, что в договорах был отражен и древнесеверный язык.

Вместе с тем мы не можем не отметить давнюю попытку Я.К. Эрбена все-таки найти этот языковой след, трактуя открывающую перечень русских в преамбуле договора 911 г. лексему Карлы не как личное имя, а древнесеверное или древнегерманское *karli*, ‘мужи’ [Эрбен, с. 119–120]. Со своей стороны, мы также не отрицали возможности присутствия в антропонимике уже 944 г. германского соционимического содержания (Фурстенъ = Fürsten). Как, впрочем, и романского (Прастѣнь = Praestans/Praestan, «лучший, выдающийся»). Такой контекст, на наш взгляд, соответствует предположению о латинском языке самого договора, если связывать начальную Русь с тем германским ареалом, где было ощутимо романское влияние [Виноградов 2021, с. 833].

Как нам кажется, следует по-новому взглянуть и на те из «антропонимов» 944 г., которым по большому счету не находится места в традиционных трактовках данного источника. Речь в первую очередь идет о таких странных именах, как Искусеви, Каницарь и Апубкаръ (Пубьксарь). Именно их нестандартность заставляла большинство исследователей даже противоположных взглядов считать эти имена условно «чуждыми» (карельскими, эстонскими, финскими и т. д.) [Мельникова, 2011, с. 262, 408; Кузьмин, 2003, с. 320]. Однако реальных прототипов им в соответствующем антропонимике не предлагается, и поэтому вся эта «чуждая» история выглядит довольно искусственной.

Вместе с тем показательным, к кому эти имена привязаны. Конструкция *Искусеви Ольги княгини*, казалось бы, исключает какие-либо варианты, кроме того, что речь идет о личном после, «агенте» жены Игоря [Горский, с. 58; Мельникова, 2011, с. 262]. Однако такой взгляд противоречит многим реконструкциям гендерной модели древнерусского общества, согласно которым жены не могли иметь «агентов» при живом муже. И сейчас часть историков вслед за Б.Д. Грековым полагают, что Предслава и Сфандра? «жены Ульблѣ» из того же договора получили такие права, поскольку стали вдовами и вступили в наследство [Королев, с. 267]. Вызывает вопросы и факт, что Ольга в тексте документа никак не определена по отношению к Игорю и Святославу, она просто «княгиня». Это странно и на фоне «жены Ульблѣ» и того обстоятельства, что после туманных времен Рюрика в летописях княжеские жены или наложницы обычно упоминались в связи с детьми (Владимир «от Малуши», «от чехини Вышеслав» и др.). Едва ли такая практика не была перенесена и на договоры.

Данные обстоятельства и тот факт, что оборот *Искусеви Ольги княгини* идет в тексте непосредственно после представителя Святослава, позволяют предположить, что и здесь речь идет об ошибочной транслитерации и вставке в славянско-кириллический текст латинского выражения. На наш взгляд, «Искусеви» могло бы быть реконструировано как *is cuius sevit*, «тот, которого родила [Ольга княгиня]», что образовывало бы логическую связь с

предшествующим обозначением посла Святослава, «сына Игорева». Компоновка *is cuius sevīt* без существительного затруднительна в классической латыни, но другое дело «вульгарный» язык контактных зон. В частности, специалисты указывают, что в результате славянского влияния на романские наречия Балкан, которое, судя по всему, проявилось уже в VII в. [Bâgiu, p. 34], те в итоге восприняли и «славянские» модели построения предложения [Семенова, с. 19].

Не менее интересным представляется «антропоним» *Анубкаръ (Пубьксаръ)*, с которым какие только операции ни производились во имя той или иной его атрибуции. Так или иначе, трудно воспринимать формант *ксаръ* иначе как модификацию другой основы под влиянием титула *кесарь*, но в данном контексте ни о каком кесаре речь не могла идти.

По нашему мнению, в поисках продуктивного решения следует обратить внимание на место этого «имени», близкое к самому концу списка «послов и гостей». Очевидно, если речь идет все-таки не об антропониме, а о социониме, следует искать его рангом ниже князей, бояр и, во всяком случае, вне «гостей»-купцов, раз они уже упомянуты. С другой стороны, вариант написания «антропонима» *Анудиаръ* в позднем, но имеющем любопытные моменты Ермолаевском списке Ипатьевской летописи, показывает, что буква, означающая глухую согласную в середине, могла быть и другой. Все это подводит к мысли, что за «антропонимом» скрывается латинское *Apud escarii* или *Pubis escarii*²⁰. По смыслу оно соответствует (во множественном числе) западноевропейским *Dapifer*, букв. «носящий еду для пиршества», *Truchsess/Truhtsæze*, отражением которых стало позднее и древнерусское *стольник*. Соответственно, эту должность могли занимать замыкающие список «подписанты» договора.

Что касается влияния титула *кесарь, царь*, то оно явно сказывается и в «имени» *Каницаръ*. Как мы уже указывали, очищенный от этого влияния «антропоним» имеет практически точные аналоги в южнороманском ареале [Виноградов 2018, с. 232–233]. Однако локальность и неясность происхождения этих «прозвищных» имен заставляет искать его корни несколько в другом месте. Форма *комисарь* русских документов XVII в. [Fogarasi, s. 65], отражающая среднелатинское *commissarius* (или его вариант с одним *m*), дает повод задуматься, не является ли очередной загадочный «антропоним» плодом банальной ошибки переписчика, принявшего слитное латинское скорописное или каролингское минускульное *om* за *an* (с округленным *a*). Конечно, фиксированное время появления *commissarius* в западных источниках более позднее (XIII в.), но с учетом простоты его производства от *committo* и *-arius* считаем, что предположение о более раннем существовании такой формы не будет натяжкой.

Примечательно, что *Каницаръ (Предславинъ)* относится к «женским» представителям, как и следующий за ним в договоре *Сфандръ, жены Ульблѣ*. *Commissarius*, буквально «доверенный», логически подходит для выделения данного контекста среди других, с учетом мысли о «вдовьем» статусе *Предславы* и *жены Ульблѣ*. Любопытно, что *commissarii* зачастую были связаны с темой «завещания» [Du Cange, p. 448], т. е. так или иначе наследования. Можно предположить, что настоящего имени «доверенного» *Предславы* или не сохранилось, или оно по ошибке переместилось вглубь списка «послов», где, например, *Сфирка* присутствует без обозначения доверителя.

Тема буквенной ошибки переписчика/переводчика, на наш взгляд, может присутствовать и в еще одном «антропониме» исследуемого списка, *Либцаръ*. Его часто относят к «отэтническим» именам (от племени *Либь*, ливов) [Мельникова, 2011, с. 408]. В этой атрибуции есть формальная логика, однако ее правильность, на наш взгляд, сомнительна ввиду отсутствия примеров употребления данного этнонима с германским или латинским суффиксом – *арь (arius)*. В этой связи наше внимание вновь привлекает соционим, на сей раз *librarius*, буквально «переписчик». Вероятность технической ошибки с его превращением в *Либцаръ*, как нам кажется, в данном случае велика, поскольку латинское скорописное или

²⁰ От *escarius*, выступавшего как сущ. «обеденный стол» или прил. «столовый».

каролингское минускульное *i*, с изгибом и еще без точки, было нетрудно, тем более для славянского летописца, перепутать с так же изогнутым *r*.

Выдвижение писцов, имевших зачастую также канцелярско-нотариальные обязанности, на видное место в договорных документах было не редкостью в средние века. Так, в грамоте, подтверждающей полномочия венецианских послов для заключения мира с Константинополем в 1265 г., имена самих послов упомянуты по разу, а имя писца и заверителя (*notarii, cancellarii* и т. д.) Конрада дважды [*Urkunden zur älteren...*, s. 88]. Полагаем, что для Древней Руси 944 г. статус писца был не менее важен, тем более что в связи с *Либиярь Фастовъ* вспоминается предыдущий договор Руси с Византией. Имя Фаст А. А. Шахматов отождествлял с антропонимом Фост из списка 911 г. [Шахматов, с. 379], и мы не исключаем, что речь шла об одном и том же лице, выступавшем в качестве хранителя списка договора, который десятилетиями спустя был использован для сверки с договором новым («славянская» же конструкция *Либиярь Фастовъ* с перестановкой слов и сменой именительного падежа на родительный появилась уже при переписке документа).

Заключение

Основной текст рассматриваемого договора нуждается в дополнительном исследовании: при всем реальном и возможном греческом влиянии нельзя исключать, что в его подготовке принимали участие русские представители, чьим основным или официальным языком была латынь или один из ее дериватов. Помимо всего прочего, это могло бы облегчить совместное понимание обеими сторонами договора терминов и оборотов из римско-греческой юридической традиции. С другой стороны, если бы этот текст попал к составителю ПВЛ или Начального свода в греческом варианте, летописец не переводил бы его «столь неуклюже» по сравнению с другими рукописями греческого происхождения.

Что касается «именной» преамбулы на отдельной «харатье», то мы полагаем, что она изначально была составлена на романском языке Древней Руси. Переписывавший многое время спустя этот документ летописец, видимо, оригинальный язык договора знал уже плохо, что в целом отвечает представлениям о темпах славянской ассимиляции начальной Руси.

Список источников

- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), СПб: Тип. Э. Праца, 1846, т. I, 298 с.
Chaplais P. *English Medieval Diplomatic Practice. Part I, v. I.* London, Her Majesty's Stationary Office, 1982 XIII, 416 p.
C. Julii Caesaris *Commentarii* : cum a. Hirtii aliorumque supplementis ex recensione Bernardi Kübleri. Lipsiae, 1893 CXXX, 266 p.
Monumenta Germaniae Historica. *Diplomatum Karolorum.* Hannoverae, Hahn, 1906 T. I. [XI] 581p.
Plinii Caecilii Secundi *Epistolae et Panegyricus* Lgd. Batavia J.&D. Elsevier 1653 [21] 404 [29] p.
Sitges J.B. *Enrique IV y la Excelente y la excelente senora llamada vulgarmente Dona Juana la Beltraneja, 1425–1530* Madrid, Typ. Sucesores de Rivadeneira 1912. 467 p.
Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante vom neunten bis zum Ausgang des fünfzehnten Jahrhunderts / hrsg. von G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Wien, K. und Staatsdruckerei, 1857. Vol. 3. VIII+466 s.

Список литературы

- Бибиков М.В. 2005. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* (19): 5–15.
Виноградов А.Е. 2021. «Русские послы» X в.: скандинавы или франки? *Via in tempore. История и политология.* 8(4): 827–838.
Виноградов А.Е. 2018. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. Москва, Ломоносовъ, 244 с.

- Виноградов А.Е. 2020. О «росских» названиях днепровских порогов в *De administrando imperio*. *Вестник Костромского Государственного Университета*. Том 26. 3: 7–13.
- Горский А.А. 2008. Русь «от рода франков». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2(32): 55–59.
- Димитриу А.К. 1895. К вопросу о договорах русских с греками. *Византийский Временник*. Т. 2. Вып. 4: 531–550.
- Киржаева В.П. 2015. Договоры Руси с Византией как источник изучения древнерусской терминологии наследственного права. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2(2): 415–420.
- Королев А.С. 2012. Князья «рода русского» второй трети X века. *Преподаватель XXI век*. 4: 262–271.
- Кузьмин А.Г. 2003. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. Москва, Вече, 432 с.
- Кузьмин А.Г. 1988. Падение Перуна. Москва, Молодая гвардия, 240 с.
- Лавровский Н.А. 1853. Византийские элементы в языке договоров русских с греками. Санкт-Петербург, Тип. Имп. Акад. Наук, 159 с.
- Максимович К.А. 2023. Договоры Руси с Византией X в. в свете данных византийского «морского закона» *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 4(94): 7–21.
- Максимович К.А. 2006. «Росские и славянские» названия днепровских порогов в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»: новые этимологии. *Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры*. IV чтения памяти акад. О.Н. Трубачева. Киев – Москва: 27–31.
- Малингуди Я. 1995. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник*. Т. 56: 68–91.
- Малингуди Я. 1997. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник*. Т. 57: 58–87.
- Малингуди Я. 1996. Терминологическая лексика русско-византийских договоров. Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время Москва, Индрик: 61–67.
- Мельникова Е.А. 2011. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. Под ред. Г.В. Глазыриной и Т.Н. Джаксон. Москва, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, Университет Дмитрия Пожарского. 476 с.
- Мельникова Е.А. 2020. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договоре 911 г. и древнескандинавских текстах. *Древнейшие государства Восточной Европы*: 84–102.
- Мельникова Е.А. 2014. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции. *Средние века*. Т. 75. 3–4: 76–192.
- Назаренко А.В. 2014. Князь и дружина по договорам с греками. Русь в 9–12 веках: общество, государство, культура. Под ред. Н.А. Макарова, А.Е. Леонтьева. Москва – Вологда, Древности Севера: 14–24.
- Обнорский С.П. 1936. Язык договоров русских с греками. Язык и мышление. т. VI–VII. Москва – Ленинград, Ин-т языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР: 79–103.
- Петров Н.И. 1913. Южнорусские металлические печати дотатарского периода. *Труды КДА*. 5: 59–73.
- Свердлов М.Б. 2017. К изучению текста краткой Правды Русской. *Новгородский исторический сборник*. 17(27): 35–49.
- Семенова Е.А. 2019. Синтаксические особенности личных местоимений в балкано-романских языках. *Вестник науки и образования*. 6(60): 17–25.
- Стефанович П.С. 2013. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. *Труды Института Российской истории РАН*. 11: 19–57.
- Толочко А.П. 2015. Очерки начальной Руси. Киев, Санкт-Петербург, Лаурис, 336 с.
- Успенский Ф.И. 1927. История Византийской империи. Т. 2. Ленинград, Издание автора, 509 с.
- Шахматов А.А. 1916. Повесть временных лет. Пг. Т. 1. LXXX, 403 с.
- Эрбен Я.К. 1870. Объяснение и исправление некоторых темных и испорченных мест древнейшей русской летописи. *Записки Императорской АН*. Т. XVI. Кн. II: 117–130.
- Bâgiu L. 2018. Introduction in the Study of Romanian Language: A Textbook for Foreign Students. Lucian Vasile Bâgiu. Alba Iulia, Aeternitas, 71 p.
- Du Cange F.C. 1883. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Т. 2. Nior, L. Favre, 688 p.
- Fogarasi M. 1958. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer Russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699). *Studia Slavica (Budapest)*. IV: 47–70.

- Melnikova E. 2004. The Lists of Old Norse Personal Names in Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica Scandinavica*. V. 22: 5–27.
- Sorlin I. 1961. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II). *Cahiers du Monde Russe. Année*. 2–4: 447–475.

References

- Bibikov M.V. 2005. Rus' v vizantijskoj diplomatii: dogovory Rusi s grekami X v. [Rus' in Byzantine Diplomacy: Rus' Treaties with the Greeks of the 10th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 1(19): 5–15.
- Vinogradov A.E. 2021. «Russkie posly» X v.: skandinavily ili franki? ["Russian Ambassadors" of the 10th Century: Scandinavians or Franks?]. In *Via in tempore. Istoriya i politologiya*. 48(4): 827–838.
- Vinogradov A.E. 2018. V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In Search of Early Rus'. Latin Trace in Russian Ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov, 244 p.
- Vinogradov A.E. 2020. O «rosskih» nazvaniyah dneprovskih porogov v De administrando imperio [On the "Russian" Names of the Dnieper Rapids in De administrando imperio]. In *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Tom 26. 3: 7–13.
- Gorskij A.A. 2008. Rus' «ot roda frankov» [Rus "from the Frankish Lineage"]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2(32): 55–59.
- Dimitriu A.K. 1895. K voprosu o dogovorah russkih s grekami [On the Issue of Russian Treaties with the Greeks]. In *Vizantijskij Vremennik*. T. 2. Vyp. 4: 531–550.
- Kirzhaeva V.P. 2015. Dogovory Rusi s Vizantiej kak istochnik izucheniya drevnerusskoj terminologii nasledstvennogo prava [Treaties of Rus with Byzantium as a Source for Studying Ancient Russian Terminology of Inheritance Law]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2(2): 415–420.
- Korolev A.S. 2012. Knyaz'ya «roda russkogo» vtoroj treti X veka [Princes of the "Russian Lineage" of the Second Third of the 10th Century]. In *Prepodavatel' XXI vek*. 4: 262–271.
- Kuz'min A.G. 2003. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The Beginning of Rus. Secrets of the Birth of the Russian People]. Moscow, Veche, 432 p.
- Kuz'min A.G. 1988. Padenie Peruna [The Fall of Perun]. Moscow, Molodaya gvardiya, 240 p.
- Lavrovskij N.A. 1853. Vizantijskie elementy v yazyke dogovorov russkih s grekami [Byzantine Elements in the Language of Russian Treaties with the Greeks]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk, 159 p.
- Maksimovich K.A. 2023. Dogovory Rusi s Vizantiej X v. v svete dannyh vizantijskogo «morskogo zakona» [Treaties of Rus with Byzantium of the 10th Century in Light of the Data of the Byzantine "Maritime Law" Ancient Rus]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4(94): 7–21.
- Maksimovich K.A. 2006. «Rosskie i slavyanskije» nazvaniya dneprovskih porogov v traktate Konstantina Bagryanorodnogo «Ob upravlenii imperiej»: novye etimologii ["Russian and Slavic" Names of the Dnieper Rapids in the Treatise of Constantine Porphyrogenitus "On the Governance of the Empire": New Etymologies]. In *Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavyanskoj kul'tury*. IV chteniya pamyati akad. O.N. Trubacheva. Kiev – Moscow: 27–31.
- Malingudi Ya. 1995. Russko-vizantijskie dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine Treaties in the 10th Century in the Light of Diplomacy]. In *Vizantijskij vremennik*. T. 56: 68–91.
- Malingudi Ya. 1997. Russko-vizantijskie dogovory v X v. v svete diplomatiki [Russian-Byzantine Treaties in the 10th Century in the Light of Diplomacy]. In *Vizantijskij vremennik*. T. 57: 58–87.
- Malingudi Ya. 1996. Terminologicheskaya leksika russko-vizantijskih dogovorov [Terminological Vocabulary of Russian-Byzantine Treaties]. In *Slavyane i ih sosedi*. Vyp. 6. Grecheskij i slavyanskij mir v srednie veka i rannee novoe vremya Moscow, Indrik: 61–67.
- Mel'nikova E.A. 2011. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye trudy [Ancient Rus' and Scandinavia: Selected Works]. Pod red. G.V. Glazyrinoy i T.N. Dzhakson. Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 476 p.
- Mel'nikova E.A. 2020. Parnye sinonimicheskie slovosochetaniya v russko-vizantijskom dogovore 911 g. i drevneskandinavskih tekstah [Paired Synonymous Phrases in the Russian-Byzantine Treaty of 911 and Old Norse Texts]. In *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*: 84–102.
- Mel'nikova E.A. 2014. "Obruch'ya" nekreshchenoj Rusi v russko-vizantijskom dogovore 944 g. i "kol'ca klyatvy" drevneskandinavskoj pravovoj tradicii ["Hoops" of Unbaptized Rus' in the Russian-

- Byzantine Treaty of 944 and the "Rings of Oath" of the Old Norse Legal Tradition]. In *Srednie veka*. Т. 75. 3–4: 176–192.
- Nazarenko A.V. 2014. Knyaz' i družhina po dogovoram s grekami. In Rus' v 9–12 vekah [Prince and Squad Under Treaties with the Greeks]. In *obshchestvo, gosudarstvo, kul'tura*. Pod red. N.A. Makarova, A.E. Leont'eva. Moscow – Vologda, Drevnosti Severa: 14–24.
- Obnorskij S.P. 1936. Yazyk dogovorov russkih s grekami [The Language of Treaties between Russians and Greeks]. In *Yazyk i myshlenie t. VI–VII*. Moscow – Leningrad, In-t yazyka i myshleniya im. N.Ya. Marra AN SSSR: 79–103.
- Petrov N.I. 1913. Yuzhnorusskie metallicheskie pechati dotatarskogo perioda [South Russian Metal Seals of the Pre-Tatar Period]. In *Trudy KDA*. 5: 59–73.
- Sverdlov M.B. 2017. K izucheniyu teksta kratkoj Pravdy Russkoj [To the Study of the Text of the Short Russian Truth]. In *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 17(27): 35–49.
- Semenova E.A. 2019. Sintaksicheskie osobennosti lichnyh mestoimenij v balkano-romanskih yazykah [Syntactic Features of Personal Pronouns in the Balkan-Romance Languages]. In *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 6(60): 17–25.
- Stefanovich P.S. 2013. Pravyashchaya verhushka verhushka Rusi po russko-vizantijskim dogovoram ogovoram X v. [The Ruling Elite of Rus' According to the Russian-Byzantine Treaties of the 10th Century]. In *Trudy Instituta Rossijskoj istorii RAN*. 11: 19–57.
- Tolochko A.P. 2015. Ocherki nachal'noj Rusi [Essays on Early Rus'] Kiev, Saint Petersburg, Laurus, 336 p.
- Uspenskij F.I. 1927. Istoriya Vizantijskoj imperii. Т. 2 [History of the Byzantine Empire]. Leningrad, Izdanie avtora, 509 p.
- Shahmatov A.A. 1916. Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years]. Pg. Т. 1. LXXX, 403 p.
- Erben Ya.K. 1870. Ob"yasnenie i ispravlenie nekotoryh temnyh i isporchennyh mest drevnejšej russkoj letopisi [Explanation and Correction of Some Dark and Corrupted Places of the Most Ancient Russian Chronicle]. In *Zapiski Imperatorskoj AN*. Т. XVI. Kn. II: 117–130.
- Bâgiu L. 2018. Introduction in the Study of Romanian Language: A Textbook for Foreign Students. Lucian Vasile Bâgiu. Alba Iulia, Aeternitas, 71 p.
- Du Cange F.C. 1883. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Т. 2. Nior, L. Favre, 688 p.
- Fogarasi M. 1958. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer Russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699). *Studia Slavica (Budapest)*. IV: 47–70.
- Melnikova E. 2004. The Lists of Old Norse Personal Names in Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica Scandinavica*. V. 22: 5–27.
- Sorlin I. 1961. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (II). *Cahiers du Monde Russe. Année*. 2–4: 447–475.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.10.2024

Received 04.10.2024

Поступила после рецензирования 17.11.2024

Revised 17.11.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Accepted 19.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, Candidate of Sciences in History, Independent Researcher, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)